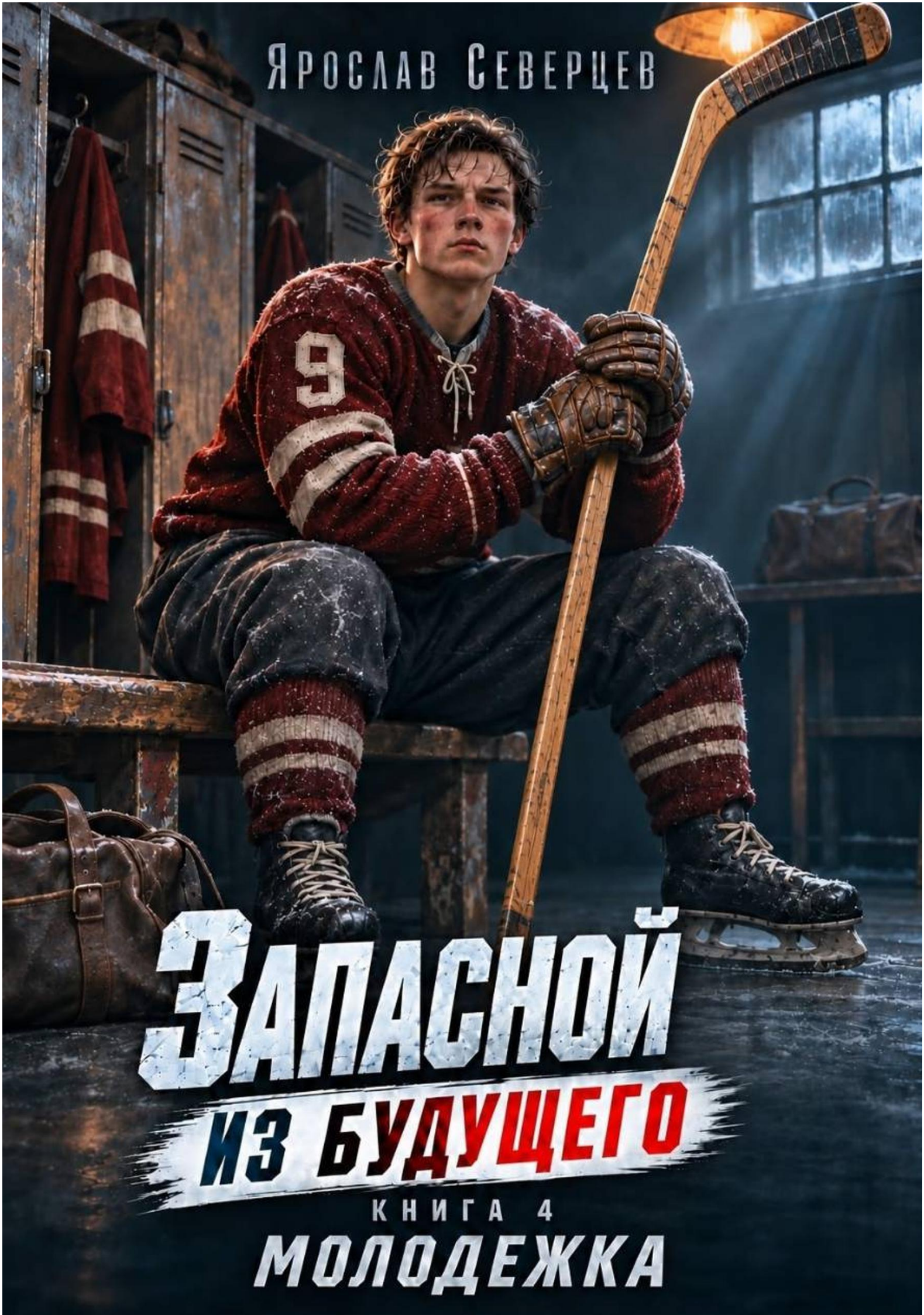
Ярослав Северцев
9
ЗАПАСНОЙ
ИЗ БУДУЩЕГО
КНИГА 4
МОЛОДЕЖКА

Ярослав Северцев

Запасной из будущего. Молодежка

«Автор»
2026

Северцев Я.

Запасной из будущего. Молодежка / Я. Северцев — «Автор», 2026

Преодолев сито провинциального отбора, хоккеисты челябинского «Вымпела» прибывают в Москву. По путевке Министерства путей сообщения вчерашние пацаны с рабочей окраины попадают в систему столичного ЦСКА. Но Москва встречает новичков не овациями, а жестким номенклатурным прессингом, ведомственными интригами и кулуарным саботажем.

© Северцев Я., 2026
© Автор, 2026

Ярослав Северцев
Запасной из будущего. Молодежка

Дорогие читатели!

Обратите внимание! Важное дисклеймер-уведомление от автора:

Все имена, персонажи, места и события, описанные в романе, **являются полностью вымышленными**. Любые совпадения с реальными историческими лицами, живыми или умершими, а также с подлинными фактами прошлого — случайны.

Эта книга написана в жанре спортивной фантастики и альтернативной истории. Она **не является историческим исследованием или документальной хроникой** , а представляет собой исключительно художественный вымысел и авторский взгляд на развитие событий.

Автор **не имеет умысла принизить, оскорбить или подвергнуть сомнению достижения советской школы хоккея**. Напротив, я искренне считаю отечественную хоккейную систему того периода одной из величайших, самобытных и лучших в мире. Данное произведение — это дань уважения той эпохе, великим спортсменам и железному характеру простых людей, облеченная в увлекательную форму фантастического романа.

В связи с тем, что вы часто спрашиваете о продолжении и просите выпускать новые части как можно быстрее, я хочу открыто поделиться с вами текущей ситуацией и вместе принять важное решение.

На сегодняшний день **вся серия «Запасной из будущего» полностью написана и будет состоять из 5 томов**. Сюжетная линия доведена до финала, однако сейчас все оставшиеся книги находятся в стадии сырого черновика.

Чтобы ускорить процесс публикации и пойти вам навстречу, я попробовал прибегнуть к автоматизированной редактуре с помощью специальных программ. К сожалению, этот опыт показал, что машинная обработка текста оставляет желать лучшего: программы часто пропускают сюжетные нестыковки, путают временные рамки и допускают речевые повторы. Качественную, «живую» историю таким способом не получить.

Перед нами стоит выбор, и я хочу, чтобы его сделали именно вы. Пожалуйста, напишите в комментариях, какой путь для вас предпочтительнее:

Скорость. Я могу выкладывать книги одну за другой в том виде, в котором они есть сейчас. Но в этом случае вам придется набраться терпения и закрывать глаза на возможные текстовые ляпы, ошибки, повторы и логические нестыковки черновика.

Качество. Я отдаю книги на глубокую профессиональную редактуру. Текст будет чистым, выверенным и качественным, но этот процесс потребует времени — в среднем **около 2 месяцев на каждый том**.

Голосуйте в комментариях, делитесь своим мнением и, пожалуйста, не судите строго! Выбор за вами — от него зависит, когда и в каком виде выйдет продолжение истории Макса Субботина.

С уважением и благодарностью за вашу поддержку,

Ваш Ярослав Северцев

Глава 1. Прописка на Песчаной

Поезд № 48 Челябинск — Москва прибыл на Казанский вокзал по расписанию. Мишка Соколов сошел на платформу первым, удерживая за лямки тяжелый брезентовый баул. Внутри лежали утяжеленные щитки, сменные титановые полозья и ботинки со стальными мысками. Поправив козырек кепки, он осмотрелся, выбирая маршрут к метро. Тренер Палыч перед отъ-

ездом дал четкие ориентиры: со станции «Сокол» идти пешком до Песчаной улицы, ориентируясь на мачты прожекторов стадиона.

Следом вышли остальные. Серёга Воронин нес связанный бечевой пучок ясеневых клюшек. Валька Королев, заметно раздавшийся в плечах за зиму, контролировал громоздкую сумку. Близнецы Колька и Мишка замкнули шеренгу.

— Маршрут простой, — Мишка развернулся к парням. — На метро до «Сокола», оттуда три квартала пешком мимо парка прямо до комплекса. От колонны не отставать, двигаемся в темпе.

В вагонах метро рослые уральцы в плотных ватниках заняли всю площадку у дверей. Пассажиры уступали дорогу этой молчаливой, собранной группе, двигавшейся без суеты.

Двухэтажный кирпичный корпус интерната ЦСКА стоял в глубине Песчаной улицы, за старыми тополями. Это было ведомственное общежитие для молодых спортсменов, прикомандированных к армейскому клубу, где действовал строгий режим. На крыльце их встретил подполковник Юрий Петрович Громов — старший методист молодежного сектора и старший тренер команды. Он был сух, подтянут, с короткой стрижкой ежиком. Поскольку ЦСКА являлся армейским ведомством, штатные тренеры носили воинские звания и требовали жесткой субординации.

Громов молча оценил габариты прибывшей пятерки, задержавшись взглядом на самодельных клюшках Королева.

— Значит, это вы выиграли область у челябинского интерната, — Громов говорил сухо. — Капитан Соколов, документы и медицинские карты — на стол в канцелярию. Завтра в шесть ноль-ноль — первая сухая раскатка на стадионе. Опоздание даже на полминуты означает отчисление со сборов и обратный билет. Работать будете на общих основаниях. Вопросы есть?

— Вопросов нет, товарищ подполковник, — ответил Мишка.

— Тогда четвертый кубрик на втором этаже. Размещайтесь, получайте белье у старшины и готовьте форму. Инвентарь проверим перед выходом на поле.

Комната встретила парней казенным минимализмом: пять железных коек с панцирными сетками и тумбочки из светлого дерева. Едва баулы опустились на пол, дверь резко распахнулась.

В кубрик без стука вошли трое местных игроков в синих шерстяных костюмах с белыми лампасами армейского спецкласса. На груди у каждого красовалась эмблема ЦСКА. Впереди шел рослый центрфорвард столичной молодежки Эдик Коновалов, чья тройка считалась неприкасаемой основой. Он лениво крутил в руках пластиковый визор, разглядывая прибывших.

— Соколов, верно? — Коновалов сделал шаг вперед, оглядывая заштопанный тренировочный свитер Мишки. На его собственной груди была выведена крупная цифра «10». — Сразу обозначим границы. Первая пятерка в этой команде укомплектована и сыграна. Мы тренируемся на искусственном льду третий год, так что на лидирующие позиции можете не рассчитывать. Будете пахать в оборонительном звене и собирать шайбы после раскатки. Конкуренты из регионов нам здесь не нужны.

Его партнеры заблокировали плечами дверной проем. Валька Королев инстинктивно сжал кулаки, но Мишка плавно выставил руку, пресекая движение. Прямой конфликт в расположении интерната означал мгновенный вылет со сборов, и Соколов это понимал.

Мишка медленно поднялся с койки. Его мощный каркас полностью перекрыл проход. Он шагнул вплотную к десятому номеру москвичей, заставив того приподнять подбородок.

— Слушай меня внимательно, Коновалов, — голос Мишки прозвучал тихо, но с сухой хрипотцой. — Мы приехали сюда работать, а не делить места в столовой. Кто из нас встанет в стартовый состав, решит Громов на льду, а не ты в этой комнате. Твой комбинационный раскат хорош для пустой площадки, но наш капкан ты еще не пробовал.

Мишка зафиксировал спокойный взгляд прямо на зрачках соперника, заставив того сделать невольный шаг назад.

— Завтра в шесть утра на беговой дорожке мы встанем в параллельные колеи, — жестко отчеканил Мишка. — Вот там и проверим, у кого ноги пустые, а у кого хребет стальной. А сейчас освободи проход. Нам нужно разложить вещи. Время пошло.

Коновалов заметно напрягся. Столичный капитан явно не привык к такому хладнокровному давлению со стороны новичков. Огрызнувшись коротким «увидим на ОФП», он развернулся и быстро вышел из кубрика, увлекая за собой остальных.

Когда дверь закрылась, Серёга Воронин шумно выдохнул, опуская связку клюшек на свободное место между тумбочками.

— Жестко ты его, Миха, — пробормотал он, присаживаясь на край голого матраса. — Но парень прав в одном: Громов завтра устроит нам проверку на износ. Армейские нагрузки — это серьезно.

— Физиология везде одинаковая, Серый, — Мишка подошел к своему баулу и достал из кармана рулон плотной изоленты. Нужно было проверить каждый винтовой черенок после долгой дороги в поезде. — Главное — держать дыхание и работать по укороченной схеме шага. Мы этот каркас за зиму закалили, теперь нужно просто адаптировать его под их тактическую схему. Доставайте щитки, проверяем крепления.

Глава 2. Вещевой ценз

В канцелярии спортивного интерната секретарь проверила подписи Шаповалова на ведомственном пакете Министерства путей сообщения и сделала отметку в массивной регистрационной книге.

— Документы в порядке, Соколов, — произнесла она. — Направляйтесь на цокольный этаж главного корпуса. Там находится центральный склад инвентаря. Получите комплект обмундирования и коньки по ведомости № 14. Сдадите баулы на хранение.

Спуск в подвальное помещение вел в обособленный технический блок. Длинный коридор был заставлен сетчатыми ларями, забитыми прессованными картонными щитками, вешалками и коробками с фабричной маркировкой.

За дощатым прилавком сидел плотный мужчина лет пятидесяти в застиранном армейском халате поверх тельняшки. Его левое плечо держалось неестественно прямо — след фронтового ранения. Пальцы правой руки уверенно перебирали крепежные винты. Это был дядя Михей — главный шорник и инструментальщик молодежного сектора ЦСКА, через чьи руки за двадцать лет прошли сотни мастеров.

Мишка Соколов подошел к прилавку, выложив серый бланк ведомости.

— Первая пятерка «Вымпела» на получение инвентаря, — спокойно произнес Мишка.

Дядя Михей поднял голову, сдвинул на лоб очки в роговой оправе и внимательно осмотрел прибывших. По одной осанке он мог определить, как парень закладывает вираж.

— Уральцы, значит, — глуховатым басом проворчал шорник, беря ведомость. — Слышал. Николай Павлович про вас все уши прожужжал. Мол, монолит, а не команда. Ну, глянем, какой вы монолит на казенном обеспечении.

Он развернулся к стеллажам, достал пять одинаковых фанерных ящиков с фабричной надписью «Главспортпром» и выставил их на прилавок.

— Вот ваше обмундирование по норме. Свитера шерстяные армейские, рейтузы, перчатки пятипалые и коньки марки «Экстра». Ботинки ярославской фабрики, лезвия — стандартный прокат Златоуста. Проверяйте размеры.

Пацаны слаженно принялись разбирать коробки. Серёга Воронин вытащил тяжелый кожаный ботинок, прикинул вес на руке и хмуро посмотрел на Мишку. Внешне инвентарь

выглядел новым, лакированная кожа блестела, но когда Валька Королев проверил пальцами стальную кромку полоза, его брови удивленно поползли вверх.

Мишка взял один из ботинок, предназначенных для Королева, и перевернул его лезвием вверх. В недрах его подсознания мгновенно включился точный слесарный процессор деповского прошлого. Одного взгляда на матовую полосу металла хватило, чтобы понять: геометрия полозьев была нарушена намеренно. Правое лезвие имело внутренний завал кромки почти на два миллиметра, а у левого была полностью сорвана радиальная кривизна — так называемый «профиль», отвечающий за маневренность и сцепление на искусственном льду. На таких коньках Валька на первом же скоростном вираже просто вылетел бы корпусом в борт, сорвав связки голеностопа.

Соколов перепроверил остальные пары. Картина была одинаковой: скрытый дефект, выполненный на профессиональном заточном станке со смещением копировального диска. Сделать такое случайно на пяти парах одновременно было невозможно. Это был расчетливый технический саботаж.

Мишка сразу вспомнил хмурый взгляд Эдика Коновалова и его брошенное в кубрике «посмотрим на ОФП». Столичный капитан действовал через кулуарные каналы, рассчитывая физически сломать уральскую пятерку на первой же ледовой раскатке, списав травмы на непривычный столичный лед.

— Дядя Михей, — Мишка спокойно опустил ботинок на прилавок, развернув его поврежденной кромкой к свету. — Посмотрите на радиус завала. На тридцать второй заклепке профиль уходит внутрь. Златоустовская сталь марки 65Г при такой заточке на искусственном льду просто поплывет через пять минут хода. Нам этот инвентарь под капкан не подойдет. Колеса голеностопа вывернет.

Старый шорник замер. Он опустил очки обратно на переносицу, взял ботинок Королева и поднес его прямо к лампе. Его пальцы медленно прошлись по стальной полосе. Лицо дяди Михея постепенно налилось суровой, тяжелой краской. Он мгновенно понял, чьих рук это работа — помощник шорника, молодой парень Сашка, крутился возле Коновалова всю последнюю неделю и имел доступ к заточному станку «Калибр».

— Ишь ты… Завал увидел… — тихо, с уважительным удивлением пробормотал шорник, переводя взгляд на Мишку. — Век живи — век учись. Другой бы натянул ботинок, зашнуровал покрепче и улетел бы в камыши на первой минуте. А ты, Соколов, сталь с одного взгляда читаешь. Слесарную школу сразу видно.

Михей тяжело вздохнул, оперся здоровой рукой о прилавок и горько ухмыльнулся в усы.

— Сказать тебе честно, малый? Других коньков этой ростовки у меня на складе сейчас нет. Ведомость закрыта, отчет в спорткомитет ушел. Поменять смогу только через две недели, когда новый эшелон из Ярославля прибудет. А у вас Громов завтра в шесть утра лед принимает. Выйдете на этом позорище — поломаете парней. Не выйдете — подполковник вас со сборов спишет за неявку. На бумаге вас переехали.

Пацаны первой пятерки притихли. Серёга Воронин сжал кулаки. Столичный блат бил незаметно, через мелкие ведомственные пакости, против которых кулаки на переезде были бессильны.

Мишка Соколов не изменился в лице. Он спокойно осмотрел полутемную мастерскую шорника, задержавшись взглядом на старом ручном заточном станке с ножным приводом, стоявшем в углу под брезентовым чехлом, и массивных слесарных тисках, прикрученных к дубовому верстаку.

— Дядя Михей, — Мишка шагнул ближе, удерживая прямой и трезвый взгляд мастера. — Заменять ничего не надо. Время только потеряем. У вас ручной наждачный круг с мелкозернистым корундом имеется? И три плоских надфиля с алмазным напылением?

Шорник удивленно приподнял брови.

— Имеется. И круги есть, и надфили шестого разряда в масле лежат. А тебе зачем, Соколов? Ты что, сам вручную профиль править собрался? На пяти парах за одну ночь? Да тут ювелирная работа нужна, микронный допуск, рука дрогнет — и лезвие на выброс.

— Не дрогнет, — спокойно ответил Мишка. — Мы на машзаводе титановые полозья к рабочим ботинкам впотьмах приклепывали, когда Лебяжье озеро замерзало. Геометрию канадского шага я на ощупь помню. Разрешите воспользоваться верстаком до рассвета? Завтра в шесть ноль-ноль Громов получит сыгранную пятерку на идеальном ходу.

Дядя Михей долго всматривался в жесткое лицо шестнадцатилетнего капитана. Старый фронтовик почувствовал в этом парне ту самую редкую, монолитную породу, которая не гнется перед трудностями. Он молча полез в глубокий карман своего халата, достал массивную связку ключей и грохнул ее на прилавок.

— Держи, Соколов. Каптерку я изнутри закрою, чтоб дежурный методист не пронюхал. Масло, круги и инструмент — в нижнем ящике верстака. Если к утренней смене испортишь казенную сталь — под трибунал вместе пойдем. Но если выправишь… если выправишь, Миха, я Коновалову лично это лезвие в одно место вставлю. Работайте, уральцы. Время пошло.

Остаток ночи превратился для первой пятерки «Вымпела» в сухую, изнурительную технологическую биту. В подвальной тишине раздался мерный, чистый скрежет металла о корунд.

Мишка Соколов работал без перерыва. Его длинные, жилистые руки двигались с идеальной амплитудой. Зажав ботинок Королева в тяжелые слесарные тиски, он сантиметр за сантиметром снимал дефектный внутренний наплыв стали плоским алмазным надфилем. Движения были короткими, точными, выверенными до миллиметра — сказывался огромный опыт и мышечная память. Серёга Воронин и близнецы аккуратно подкручивали ножной привод точильного круга, подавая воду для охлаждения металла, чтобы сталь не потеряла свою закалку от перегрева.

Валька Королев сидел на деревянном ящике, бережно протирая марлей уже готовые полозья. Мишка возвращал лезвиям канадскую геометрию — делал зону контакта со льдом компактнее стандартной советской, увеличивая угол атаки на концах. Это было тайное оружие из будущего: уменьшенный радиус кривизны позволял уральцам мгновенно взрываться с места тремя частыми, акцентированными шагами и закладывать вираж на минимальном пространстве, не теряя скорости.

К пяти часам утра, когда первые блеклые лучи московского рассвета коснулись подвального окна, последняя пара коньков была аккуратно уложена в фанерный ящик. Сталь полозьев тускло и благородно отливала идеальной, зеркальной кромкой без малейшего завала.

Дядя Михей, зашедший в мастерскую с чайником горячего кипятка, подошел к верстаку, взял ботинок Мишки и проверил кромку ногтем правого пальца. Ногтевая пластина послушно снялась тонкой стружкой — заточка была бритвенной, а кривизна профиля напоминала идеальную дугу лекального циркуля.

Шорник медленно опустил ботинок, посмотрел на изможденных, покрытых стальной пылью пацанов и молча, с суровым уважением кивнул головой.

— Ну, Миха… Ну, Соколов… — тихо произнес мастер. — Инструментальщик от бога. В ЦСКА такой заточки отродясь не видели. Коновалов завтра на раскатке свои импортные «ССМ» со страху проглотит. Живо в кубрик, умывайтесь, переодевайтесь в казенное — и на лед. Громов уже у калитки стоит. Покажите им, как уральский хребет гнется.

Мишка спокойно вытер ладони ветошью, закинул ремень портфеля на плечо и повернулся к парням.

— Баулы на плечи, Вымпел, — негромко скомандовал капитан.

Глава 3. Проверка боем

В шесть часов утра закрытый тренировочный каток ЦСКА встретил команду ровным искусственным глянцем. Подполковник Громов стоял у калитки борта, застегнув синюю тре-

нировочную куртку до подбородка. В руке он держал планшет и секундомер. Первая пятерка Эдика Коновалова уже раскатывалась в центральном круге. На их новеньких бело-синих свитерах тускло поблескивали фабричные номера, а движения на широком шаге выглядели академично и слаженно.

Когда из подтрибунного прохода на лед вышла уральская пятерка, Коновалов лениво притормозил у синей линии. Его партнеры ухмыльнулись, ожидая, что новички на первом же вираже потеряют равновесие из-за заваленных кромок. Помощник шорника Сашка, стоявший за бортом, демонстративно отвернулся, пряча руки в карманы.

Мишка Соколов шагнул на лед первым. Титановые лезвия, переточенные вручную за ночь, с сухим хрустом врезались в ледовое покрытие. Особая крутизна заточки мгновенно отозвалась идеальным сцеплением. Мишка сделал два коротких, взрывных толчка, закладывая крутой вираж вокруг ворот, и плавно остановился у борта, подняв аккуратный веер ледовой крошки. Следом выкатились Серёга Воронин и Валька Королев. Ноги парней держали лед намертво. Кожаные ботинки сели плотно, а выправленная геометрия полозьев давала идеальный контроль траектории.

Коновалов заметно насупился, заметив, что уральцы не просто уверенно стоят на ногах, а маневрируют на минимальном пространстве гораздо резче его собственного звена.

— Так, внимание! — Громов резко дунул в свисток, вызывая обе пятерки к центру. — Времени на раскачку нет. Начинаем двустороннюю игру без пауз. Проверим сыгранность в условиях плотной опеки. Соколов, Коновалов — на точку. Играем до трех шайб.

Мишка занизил центр тяжести, уйдя глубоко в колени. Его длинные руки зафиксировали ясеневый черенок. Напротив встал Эдик, на чьем лице уже не было прежней ленивой уверенности. Коновалов перехватил свою «Кохо» двумя руками, готовясь к жесткому рубящему удару по крюку соперника.

Судья из числа методистов бросил черный каучуковый диск.

Мишка сработал одними кистями. Без замаха плечом, коротким взрывным микродвижением пальцев он подбил клюшку Коновалова снизу вверх на взлете и одновременно заблокировал его бедро мощным корпусом. Шайба отлетела точно под конёк Серёге Воронину. Первая пятерка москвичей мгновенно попыталась включить классический советский комбинационный веер, разбегаясь по бортам через три линии. Они рассчитывали на простор искусственного катка, к которому уральцы, по их мнению, не могли быстро адаптироваться.

Но «Вымпел» сразу задействовал оборонительный капкан «один-четыре». Петька Зайцев замер в средней зоне, превратившись в выдвинутый волнорез и перекрывая траекторию паса. Коновалов подхватил шайбу в глубине и набрал скорость по правому флангу, пытаясь обойти Вальку Королева на широком шаге. Он шел уверенно, укрывая диск, но пространства не оказалось. Борт был зажат близнецами, а навстречу уже катился Королев.

Благодаря укороченному профилю коньков, Валька двигался спиной вперед с поразительной пластичностью. Он прочитал маневр Коновалова на долю секунды раньше, занизил посадку и встретил столичного центра жестким силовым приемом плечо в плечо, одновременно заблокировав его клюшку.

Бам!

Сухой, тяжелый стук столкновения двух тел разнесся под сводами катка. Коновалов не удержал равновесие и отлетел спиной на деревянное заграждение, выронив инструмент. Никакого нарушения правил не было — Валька сыграл безупречно, не отрывая коньков от глянца.

Шайбу мгновенно подхватил Мишка Соколов. Используя преимущество укороченного радиуса полозьев, он взорвался с места тремя пулеметными толчками внутренним ребром. Защитники москвичей панически бросились пятиться, выстраивая оборонительный треугольник. Но Мишка не пошел во фланг. Он сблизился по центру, укрывая снаряд широким кар-

касом тела, и вместо широкого замаха от уха сделал хлёсткий кистевой бросок одними предплечьями.

Высушенный прямослойный ясень сработал как пружина. Шайба по крутой дуговой траектории вонзилась точно под перекладину ворот.

1:0 на второй минуте.

Громов у борта молча зафиксировал время на секундомере, его брови удивленно приподнялись. Помощник шорника Сашка тихо выскользнул из подтрибунного помещения, понимая, что технический саботаж полностью провалился, а уральцы выправили инвентарь до идеального состояния.

До конца микроматча стартовое звено ЦСКА так и не смогло организовать ни одного внятного раската. Комбинационный веер Коновалова буквально разбился о мелкие, невидимые зацепы близнецов за резинку трусов и постоянные подбивы черенка снизу вверх на взлете кисти. Уральская пятерка полностью высушила среднюю зону, завершив двусторонку со счетом 3:0 в свою пользу.

Когда прозвучал финальный свисток, Коновалов сидел на лавке гостей, тяжело дыша и злобно глядя на свои импортные коньки. Блат и спорткомитетские связи его отца не помогли против хладнокровной и жесткой выучки уральцев.

Глава 4. Анатомия капкана

После окончания утренней ледовой сессии подполковник Громов подошел к уральской шеренге, плавно постукивая планшетом по ладони. Его взгляд оставался трезвым и суровым.

— Соколов, ко мне в каптерку. Остальным — сдать коньки на осмотр Михею и марш в столовую.

Рабочий кабинет старшего тренера на первом этаже главного корпуса был обставлен скромно: массивный двухтумбовый стол, три деревянных стула и огромная магнитно-тактическая доска, на которой металлическими фишками были расчерчены стандартные советские схемы раската. В углу на вешалке висел армейский мундир с погонами подполковника.

Громов сел за стол, аккуратно положил секундомер на стопку ведомостей и указал Мишке на стул напротив.

— Садись, Соколов. Разговор будет долгим.

Мишка спокойно присел, держа спину ровно и положив ладони на колени. В его подсознании мгновенно включился привычный алгоритм переговоров с генеральными менеджерами. Он понимал, что сегодняшняя сухая победа над Коноваловым заставила армейского наставника серьезно задуматься. Подобная геометрия игры кардинально отличалась от тарасовских стандартов 70-х годов.

Громов молча подошел к тактической доске, взял две красные фишки и передвинул их к синей линии условной зоны.

— Я внимательно смотрел за вашим третьим периодом в Челябинске по отчетам Николая Павловича, — негромко заговорил тренер, поворачиваясь к Мишке. — Но сегодня я увидел это вживую. Твоя вторая пятерка новичков выстраивает стену, блокируя борта, а Королев караулит коридор спиной вперед. При этом вы используете скрытые подбивы клюшки под крагу соперника и микрозацепы за трусы, которые судьи физически не успевают зафиксировать. Это не советская школа, Миша. Анатолий Владимирович Тарасов строит игру на широком размашистом пасе, на культе атаки и сумасшедших скоростях по всей ширине поля. А ты… ты сознательно сушишь среднюю зону, превращая хоккей в вязкое позиционное удушение фаворитов.

Громов сделал шаг вперед, в упор глядя на шестнадцатилетнего капитана сквозь мелкую сетку морщин вокруг глаз.

— Откуда у простого пацана с рабочей окраины, из ведомственной секции машзавода, взялось понимание канадского зонного капкана «один-четыре»? — в голосе подполковника

проступил суровый армейский металл. — В Союзе так никто не обороняется. Даже канадские профессионалы из НХЛ на Суперсерии семьдесят второго года играли иначе, они ставили на силовое давление в углах площадки. А твоя схема — это ювелирная тактическая геометрия будущего. Кто научил тебя этой расстановке, Соколов? Палыч? Старый фронтовик, который всю жизнь по конспектам Высшей школы тренеров работал? Не верю. Откуда чертежи, капитан?

Мишка не отвел взгляда. Он прекрасно понимал, что любое упоминание о его тридцатилетнем энхаэловском подсознании Макса Субботина будет воспринято как сумасшествие или шпионаж. Нужно было выстроить абсолютно логичный, приземленный ответ, понятный советскому производственнику и офицеру.

— Юрий Петрович, на нашем машзаводе льда не было до самого октября, — спокойно, чеканя слова, ответил Мишка. — Весь сентябрь мы сидели на сухом, раскаленном асфальте коробки «Машиностроителя». Бегать широким шагом Тарасова по черным трещинам в стоптанных кедах — это верная смерть для голеностопа. Мы бы просто поломали парней до первой ледовой раскатки. Нам пришлось занижать центр тяжести, уходить в глубокую канадскую посадку, чтобы удерживать баланс на минимальном пространстве за счет мелких мышц-стабилизаторов бедер.

Мишка поднялся, подошел к доске и аккуратно передвинул черную фишку центрального нападающего чуть глубже в среднюю зону.

— Если у нас нет простора и скорости столичных закрытых арен, значит, мы должны лишить этого простора соперника, — продолжил Соколов. — Петька Зайцев на Лебяжье озере работал как волнорез просто потому, что камыши зажимали правый борт. Мы перенесли эту гаражную логику на искусственный лед. Подбив черенка снизу вверх под крагу — это обычный слесарный рычаг. Если сломать точку опоры на взлете кисти, у нападающего пропадает хлёст броска. Здесь нет никакого заграничного шпионажа, товарищ подполковник. Это просто математика выживания в условиях дефицита инвентаря.

Громов долго молчал, всматриваясь в расчерченную мелком схему на доске. На его суровом лице постепенно разгладились жесткие складки у губ. Логика уральского капитана была железной, понятной и абсолютно укладывалась в суровый менталитет провинциального рабочего класса, привыкшего выжимать максимум из минимума.

Подполковник вернулся к столу, взял секундомер и убрал его в глубокий карман куртки.

— Математика выживания, говоришь… — тихо, сорванным басом произнес тренер. — Красиво чертишь, капитан Соколов. Тарасов твою схему удушения, конечно, не одобрит, он романтик атаки. Но я прагматик. И сегодня твой капкан полностью перекрыл кислород первой тройке Коновалова. В ближайшее время на тренировку приедет ведомственная комиссия Спорткомитета смотреть расширенный состав молодежки для Всесоюзных игр. Коновалов-старший сделает все, чтобы выкинуть вас со сборов через судейские циркуляры. Нам нужна чистая тактическая выучка, чтоб ни один методист не смог подкопаться.

Громов поднялся со стула, подошел к Мишке и крепко, по-мужски пожал его жесткую, покрытую мозолями ладонь.

— Свободен, Соколов. Заточка коньков у твоей пятерки идеальная, Михей мне уже доложил. Марш в столовую, наливайте мышцы казенным белком. Завтра начинается настоящий номенклатурный ад. Время пошло.

Мишка спокойно кивнул, развернулся и размеренным, уверенным шагом вышел из каптерки тренера.

Глава 5. Ночной лед

После вечерней поверки в интернате установилась глубокая тишина. В одиннадцать часов свет в коридорах погас, оставив лишь тусклые дежурные лампы у выходов. Мишка Соколов лежал на своей койке, не снимая тренировочных брюк. Его мышечная память четко фик-

сировала малейшие нюансы утренней игры — искусственное покрытие требовало идеальной координации, и укороченный профиль лезвий оправдал себя на сто процентов.

Около полуночи входная дверь кубрика тихо скрипнула. В узкой щели прорисовался рослый силуэт. Эдик Коновалов стоял в коридоре, держа в руке чехол с коньками. Он не заходил внутрь, лишь коротко кивнул Мишке, призывая выйти.

Соколов бесшумно поднялся, натянул заштопанный свитер, перехватил свою ясеневую клюшку и вышел в коридор. Серёга Воронин приоткрыл один глаз, но Мишка жестом показал ему оставаться на месте.

Они спустились по пожарной лестнице в цокольный этаж. Коновалов шел уверенно, зная расположение постов дежурных. Миновав длинный переход, парни вышли через боковую калитку прямо внутрь пустующего спортивного комплекса. Арена была погружена в полумрак. Лишь над центральным кругом горел одинокий дежурный прожектор, швыряя на ровный глянец длинные желтые лучи.

Эдик остановился у лавки запасных, сбросил кроссовки и принялся молча затягивать кожаную шнуровку своих «ССМ».

— Слышь, Соколов, — тихо произнес Коновалов, не поднимая головы. — Утром Громов прервал двусторонку, когда вы окопались в своей зоне. Выиграли микроматч, согласен. Но вчистую ты меня не переиграл. Моя тройка три года держит эту команду, и сдавать позиции из-за одного удачного капкана я не намерен. Давай так: один на один, от синей до синей. Без тактических разборов Громова и судейских свистков. Твоя шайба — я признаю твое право на стартовую пятерку. Моя — ты завтра сам просишься во второе звено на подстраховку.

Мишка спокойно присел на деревянный настил, переобуваясь в свои доработанные «Экстры». Он проверил плотность посадки пятки и жестко завязал шнурки узлом.

— Условия простые, Эдик, — спокойно ответил Мишка, поднимаясь на титановые полозья. — Пять заходов. Кто удержит снаряд на скорости и прорежет створ ворот — тот и ведет команду. Выкатывайся.

Лезвия коньков с сухим хрустальным звуком рассекли ночную тишину пустой арены. Мишка занял позицию условного защитника на синей линии, опустив крюк клюшки на лед. Коновалов подобрал каучуковый диск в центральном круге, заложил крутую дугу у противоположного борта и пошел на сближение.

Набрав скорость на своем размашистом широком шаге, Коновалов двигался технично. На входе в зону он сделал обманное движение левым плечом, пытаясь раскачать Мишку и уйти под бэкхэнд во фланг. Это был классический финт советской школы, рассчитанный на высокую скорость защитника.

Но Соколов пятиться не стал. Используя преимущества укороченного профиля полозьев, он сделал два взрывных шага навстречу, резко занизив центр тяжести. Канадская посадка параллельно льду позволила ему намертво перекрыть Коновалову коридор для маневра. Мишка не выбрасывал клюшку вперед — он контролировал расстояние корпусом, заставив Эдика притормозить и потерять стартовую инерцию.

В самый момент разворота Коновалова Мишка совершил секундное микродвижение кистями: коротко подбил черенок его «Кохо» снизу вверх прямо под крагу. Хлёст у Эдика сломался, диск соскочил с пера и лениво покатился к борту. Соколов неуловимым движением таза сместил точку опоры, поймал соперника на противоходе в рамках правил и мягко вытеснил его плечом с накатанной колеи.

Коновалов потерял сцепление со льдом и затормозил у заграждения, тяжело дыша.

— Первый, — негромко зафиксировал Мишка, подбирая шайбу. — Твой заход, Коновалов. Давай еще раз.

Второй и третий раунды прошли по схожему сценарию. Коновалов пытался менять траекторию, шел на максимальной скорости по самому борту, рассчитывая продавить уральского

капитана массой. Но Мишка каждый раз безупречно читал его анатомические фазы — столичный центрфорвард перед броском неизменно заваливал корпус назад, раскрывая грудную клетку. Соколов встречал его на синей линии монолитным встречным блоком, полностью лишая простора.

На четвертом заходи Эдик озлобился. Он пошел по центру напролом, жестко выставив локоть вперед в силовой стык кость в кость. Мишка принял этот удар сознательно: укрыл голову руками, сгруппировался и корпусом врезался Коновалову в грудину, погасив всю его скорость за счет мелких мышц-стабилизаторов бедер. Грохот столкновения тел эхом разнесся под сводами пустой арены.

Коновалов упал на колено, выронив клюшку, и замер, жадно хватая ртом холодный воздух. Его светлый пробор растрепался, а на лице читалось полное тактическое бессилие. Академический комбинационный раскат, которому его учили годами, полностью развалился на минимальном пространстве против этой вязкой и плотной индивидуальной опеки.

Мишка аккуратно подобрал шайбу крюком своей ясеневой сабли, сделал плавный круг вокруг ворот и остановился в двух шагах от лежащего соперника.

— Четыре — ноль, Эдик, — спокойно произнес Мишка, протягивая Коновалову руку в брезентовой краге. — Твоя скорость хороша для чистого льда, но в плотном стыке ты теряешь баланс. В ЦСКА нам придется играть против сыгранных взрослых мужиков, которые не дадут раскатывать веер через три линии. Если первая пятерка будет сыпаться после каждого силового контакта, мы сгорим в первом же туре соревнований.

Коновалов долго смотрел на протянутую ладонь Соколова. Его желваки ходили ходуном от уязвленной гордости фаворита. Наконец, он тяжело вздохнул, ухватился за жесткую перчатку Мишки и поднялся на коньки.

— Жестко ты стоишь на синей, Соколов… — глухо произнес столичный капитан, вытирая пот со лба рукавом свитера. — Рука у тебя как литая плита. Теперь вижу, что Громов не просто так твой капкан весь день в блокнот чертил. Ладно. Слово я держу. Твое право на стартовый состав оспаривать больше не буду. Будем сыгрываться в три центра, если подполковник утвердит схему.

В этот момент под сводами темной арены раздался мерный, сухой стук дерева о деревянный борт коробки.

Парни синхронно обернулись. У калитки выхода, кутаясь в свое демисезонное пальто поверх армейской куртки, стоял подполковник Громов. Его хромированный секундомер тускло поблескивал в лучах дежурного прожекктора. Старший тренер стоял в полумраке больше получаса, молча наблюдая за ночной дуэлью лидеров от первой до последней секунды.

— Так… — Громов медленно вошел на лед, его тяжелые ботинки глухо застучали по ледовой крошке. — Ночная самодеятельность в расположении части. Нарушение режима, статья одиннадцатая устава интерната. Соколов, Коновалов — по две минуты штрафа я бы вам выписал в официальном матче за несанкционированный выход на площадку.

Тренер остановился перед замершими хоккеистами, переводя строгий взгляд с Мишки на Эдика. Однако в его глазах за стеклами очков не было ярости — только холодный, глубокий интерес прагматика.

— Но зато я увидел то, что мне нужно для предстоящей ведомственной проверки, — подполковник жестко прижал планшет к боку. — Коновалов, теперь ты сам убедился, что твоя траектория раската читается на раз-два. Соколов тебя ловит на противоходе просто за счет правильного распределения веса тела. Спорткомитет потребует от меня показать готовую ударную тройку. И мы не будем делить вас на первое и второе звено. Мы объединим ваш потенциал.

Мишка чуть сузил глаза, фиксируя установку наставника.

— Как объединим, Юрий Петрович? — спросил Коновалов.

— Сделаем сдвоенный центр форвардов, Эдик, — Громов быстро расчертил пальцем условный треугольник на планшете. — Мишка встает глубоким опорным центром, выжигая среднюю зону капканом и страхуя Королева с Ворониным сзади. А ты, Коновалов, за счет своей стартовой скорости уходишь на позицию выдвинутого атакующего волнореза. Соколов перехватывает диск кистями на синей линии — и мгновенно выдает скрытый плоский пас тебе на ход по свободному правому борту. Это тактика взрывного контратакующего удара. Против такой связки никто в Спорткомитете аргументов не найдет.

Подполковник резко щелкнул кнопкой секундомера и указал клюшкой в сторону подтрибунного прохода.

— Живо в кубрик, орлы. Умываться и спать. До утренней смены осталось четыре часа. Утром на раскатке проверим этот сдвоенный узел в деле. Время пошло.

Глава 6. Профессор

Утренняя раскатка началась без задержек. Сдвоенный центр, предложенный Громовым, с первых минут показал себя жизнеспособным: Мишка Соколов координировал капкан в средней зоне, а Коновалов караулил правый фланг, готовый к быстрому отрыву после перехвата. Взаимопонимание между бывшими соперниками наладилось быстрее, чем ожидали методисты у бортика.

Около восьми часов утра у калитки запасных появился невысокий человек в плотном твидовом пальто и глубоких фетровых ботах. Его седые волосы были зачесаны назад, а массивные очки в роговой оправе удерживались на переносице тонкой трикотажной резинкой. В руках мужчина держал тяжелый хронометр швейцарской фирмы «Heuer» и массивный планшет со стопкой графиков, отпечатанных на ротапринте. Это был Лев Маркович, получивший в молодежном секторе устойчивое прозвище Профессор. Он возглавлял комплексную научную группу (КНГ) при Спорткомитете СССР, занимавшуюся математическим моделированием и биомеханикой движений хоккеистов высшей лиги.

Лев Маркович не смотрел на тактические перепасовки. Его взгляд был прикован исключительно к ногам хоккеистов. После каждого ускорения Мишки Соколова Профессор яростно щелкал кнопкой хронометра и заносил цифры в таблицу, качая головой.

— Так, Громов, остановите занятие на минуту, — Лев Маркович подошел к бортику, требовательно постучав костяшками пальцев по дереву. — Девятый номер, Соколов. Подойдите к калитке.

Мишка плавно затормозил у борта, подняв коньками мелкую ледовую крошку. Следом подкатился подполковник Громов, на ходу пряча свой свисток в карман куртки.

— Что там у вас, Лев Маркович? — хмуро спросил тренер. — Мы как раз связку накатываем перед комиссией.

— Связка подождет, Юрий Петрович, — Профессор поправил очки и ткнул пальцем в свои записи. — У вашего девятого номера аномальные биомеханические показатели. Частота толчка внутренним ребром на фазе разгона превышает стандартные нормативы Главспортпрома на двадцать два процента. При этом длина шага у него короче, чем у Коновалова, а стартовая скорость на первых трех метрах выше. Это физически невозможно при стандартной геометрии полозьев «Экстра». Покажи мне подошву, мальчик.

Мишка спокойно поднял левую ногу, развернув ботинок лезвием вверх. В недрах его подсознания мгновенно включился режим максимальной осторожности — аналитик КНГ копал точно в цель, и скрыть ночную переточку от профессионального взгляда было невозможно.

Лев Маркович опустился на одно колено прямо у борта, вытащил из кармана пальто лекальный металлический шаблон и приложил его к стальной кромке полоза Соколова. Через секунду Профессор замер, его глаза за толстыми стеклами очков округлились.

— Невероятно… — пробормотал аналитик, поднимаясь на ноги и лихорадочно протирая стекла платком. — Юрий Петрович, это же чистейший скрытый винт. Радиус кривизны

изменен вручную, площадка соприкосновения укорочена, а радиальный профиль имеет выраженную канадскую дугу атаки. Кто точил эти коньки, Соколов? На каком оборудовании выполнялась профилировка?

Громов насупился, бросив быстрый взгляд в сторону подвального окна мастерской Михея.

— Коньки казенные, со склада, Лев Маркович, — попытался замять тему подполковник. — Какие выдали, на тех парень и бегает.

— Не рассказывайте мне сказки, Громов! — Профессор яростно взмахнул своим планшетом. — Ярославская фабрика выпускает коньки по строгому ГОСТу, утвержденному министерством. Данная конфигурация полозьев является прямым нарушением регламента Главспортпрома для молодежных соревнований. Понимаете, что это значит? Если перед матчем Всесоюзных игр технический инспектор проверит инвентарь вашей команды по калибру — уральскую пятерку дисквалифицируют в полном составе за использование нестандартного, модифицированного оборудования. И меня, как главу КНГ, поднимут на смех в Комитете!

Напряжение у бортика мгновенно возросло. За спиной Мишки Серёга Воронин и близнецы Королевы невольно переглянулись. Технический ценз Спорткомитета был монолитным барьером, и фиксация брака Главспортпрома означала автоматический вылет со сборов без права апелляции.

Мишка Соколов не изменился в лице. Он спокойно опустил ногу на лед, удерживая прямой взгляд Профессора.

— Лев Маркович, казенный ГОСТ рассчитан на комбинационный раскат по всей ширине поля на длинном шаге, — спокойно, без капли подросткового испуга ответил Мишка. — Ярославские лезвия имеют плоскую площадку в одиннадцать сантиметров. На такой длине на искусственном льду невозможно заложить крутой вираж без потери устойчивости, если у тебя сместился центр тяжести из-за изменившегося роста. Мы укоротили профиль до девяти сантиметров вручную, обычным алмазным надфилем.

Профессор замер, его рука с авторучкой зависла над бланком.

— Надфилем? — переспросил он, уставившись на Мишку с суровым уважением. — Пять пар? За одну ночь? Без копировального станка выдержать лекальную дугу? Мальчик, ты понимаешь, что для этого нужна рука хирурга и точность оптического прибора?

— У нас на машзаводе в литейном цеху и депо точность всегда была на первом месте, — ответил Мишка, чеканя слова. — Мы не нарушали вес лезвия, марка стали осталась прежней — 65Г. Изменилась только геометрия атаки. Если казенные коньки Главспортпрома заставляют хоккеистов выворачивать голеностоп на вираже, значит, регламент отстал от физиологии. Проверьте мои замеры по вашим графикам нагрузки. Укороченный шаг снижает мышечное утомление четырехглавой мышцы бедра на четырнадцать процентов за период.

Лев Маркович медленно опустил свой планшет на борт. Его аналитический ум, годами бьющийся над проблемой повышения выносливости сборной СССР, мгновенно просчитал выкладки уральского капитана. Математическая логика Мишки идеально ложилась на формулы КНГ, которые Профессор безуспешно пытался внедрить через консервативных чиновников министерства. Регламент Главспортпрома действительно отставал от реалий жесткого канадского хоккея, и Соколов нашел чисто прикладное, инженерное решение этой проблемы.

Профессор долго всматривался в изможденное, жесткое лицо шестнадцатилетнего капитана сквозь толстые стекла очков.

— Снижение утомления, говоришь… Четырнадцать процентов… — тихо произнес Лев Маркович, и на его суровом лице впервые появилась скупая, научная ухмылка. — Юрий Петрович, ваш Соколов — это не просто хоккеист. Это готовый лаборант для моей комплексной научной группы. Он прав. Их коньки не нарушают вес, а профилирование выполнено на

грани гениальности. Казенный калибр инспектора Комитета такую ювелирную доводку даже не зафиксирует, если шаблон не прижимать с микронным усилием.

Лев Маркович аккуратно закрыл свою темную книжку, спрятал авторучку в карман твидового пальто и посмотрел Мишке прямо в глаза.

— Ладно, уральцы. Официальный рапорт о нарушении стандартов я писать не буду. Блокнот КНГ для этой проверки закрыт. Более того, Соколов, я лично подготовлю для Спорткомитета техническое обоснование экспериментальной заточки коньков для молодежного сектора ЦСКА в рамках научно-исследовательской работы. Нас с Громовым за это, конечно, по головке в министерстве не погладят, но если ваш сдвоенный центр на ведомственной игре раскатает соперника всухую — Главспортпрому придется переписать свои ГОСТы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.